

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

Л У Б И Н
Александр Федорович

**МЕТОДОЛОГИЯ
КРИМНАЛИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 12.00.09 - уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика

Автореферат

диссертации на соискание
ученой степени доктора юридических наук

НИЖНИЙ НОВГОРОД 1997

Диссертация выполнена на кафедре криминалистики
Нижегородского юридического института МВД России

О ф и ц и а л ь н ы е о п п о н е н т ы :

доктор юридических наук, профессор Каминский Марат Константинович

доктор юридических наук, профессор Кирсанов Зиновий Иванович

заслуженный юрист России доктор юридических наук, профессор Ястребов Владислав Борисович

Ведущая организация - Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Защита состоится 29 января 1998 года в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д-052. 09. 01 по присуждению ученой степени доктора юридических наук в Нижегородском юридическом институте МВД России

Адрес: 603600, г. Нижний Новгород, ГСП-268, Анкудиновское шоссе, д. 3. Зал Ученого совета

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Нижегородского юридического института МВД России

Автореферат разослан 26 декабря 1997 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцен

В.А.Толстик

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Рост преступности новится одной из глобальных угроз безопасности современного мира. Этот вывод подтверждается данными уголовной статистики и исследованиями, проводимыми ООН. Отмечены сходные негативные изменения преступности в различных странах. Растет криминогенная активность детей, молодежи, женщин, "белых воротничков". Ухудшается структура преступности. Усиливается виктимность населения. В США и странах Западной Европы сохраняются неблагоприятные тенденции, установившиеся еще в 50-60-е годы. За последние 10 лет преступность в Финляндии и Норвегии возросла в два раза. Постоянно растет число преступлений не только в Дании и Швеции, но и в Японии.

Наблюдается новое явление - рост преступности в бывших социалистических странах. По сравнению с 1988 годом преступность, например, в Венгрии, Румынии и Чехии увеличилась более чем в два с половиной раза.

В современной России совершается на треть больше преступлений, чем во всех бывших социалистических республиках в 1988 году.

Особенность российской социально-экономической ситуации такова, что значительная часть общественных отношений практически не может функционировать без уголовно-правового обеспечения. В свою очередь, расширение сферы применения материального права должно обеспечиваться синхронным развитием уголовного процесса и криминалистики. Реальное проявление прогрессивных изменений в криминалистике - это наличие эффективных методик расследования преступлений, предназначенных для органов предварительного следствия, дознания и суда.

В основе этих методик находится криминалистическое знание о видах и группах криминальных правонарушений. Между тем, не решены вопросы о формах представления, критериях полноты и качества такого знания.

Более того, сама методология - путь и средства - криминалистического исследования преступной деятельности нуждается в коренном переосмыслении и "опережающем" развитии.

Современные фундаментальные положения отечественной криминалистики (Р.С.Белкин, В.Д.Грабовский, М.К.Каминский, З.И.Кирсанов, А.М.Кустов, В.Я.Колдин, В.А.Образцов, Н.П.Яблоков, В.Б.Ястребов) отражают строгую зависимость: насколько полно выявлены закономерности преступной деятельности, настолько можно рассчитывать на появление эффективных методик расследования отдельных видов преступлений. В этом смысле результаты диссертации претендуют на актуальность в теоретическом, методологическом и практическом аспектах.

Теоретические положения диссертации имеют непосредственное отношение к исследованию предмета криминалистической науки и позволяют укрепить “твердое ядро” криминалистической теории механизма преступной деятельности.

Авторский подход к построению и последующему анализу исследовательской модели механизма преступной деятельности представляет собой методологическую базу для реализуемых методик формирования криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений. Можно говорить о появлении актуального методологического средства для получения актуального научного продукта.

Актуальны и прикладные результаты экспериментальной части диссертации в виде новых методик и программных средств работы с компьютерными банками данных в рамках централизованных криминалистических учетов. Для практики полезны и статистические приемы выявления закономерностей частоты встречаемости и тесноты корреляционных связей между типовыми версиями-элементами познавательной модели механизма преступной деятельности.

Исходная степень разработанности проблемы в криминалистической науке. Собственно методология криминалистического исследования преступной деятельности, пожалуй, никогда не выступала предметом монографического анализа. В то же время не было ни одного крупного криминалиста или криминолога, которые обошли бы своим вниманием отдельные стороны многогранного феномена преступной деятельности.

Если начать отсчет с “наивных” школ Международного союза криминалистов (точнее - союза криминалистов, криминологов, психологов и психиатров), то можно увидеть “романтический”, донаучный период развития методологии изучения преступности.

Итальянская школа в основном делала упор на наследственность и внешние признаки личности преступника (Ч.Беккария, Э.Ферри, Ф.Ферреро), французская - на факторы внешней среды (лионская социологическая школа Лакассаля) или на френологические признаки (доктрина Галля-Лафатера), либо на психологические свойства человека (Ф. фон Лист).

Российские “криминалисты” занимались, главным образом, критическим анализом европейских подходов (Л.Е.Владимиров, Д.А.Дриль, Е.Ефимов, Д.Зернов, С.В.Познышев, П.П.Пусторослев) или же исповедовали франко-бельгийскую методику Ж.-А.Кетле (М.Н.Гернет, Г.Ф.Кольба, Е.Н.Терновский). Но в то же время в России существовало довольно мощное направление уголовно-процессуальных разработок, авторы которых, как правило,

обосновывали свои рекомендации типовыми особенностями преступного поведения (Я.Баршев, М.В.Духовской, А.Жиряев, Н.Калайдович, А.Квачевский, В.Линовский, П.В.Макалинский, Н.А.Оболонский, Н.Н.Розин, Н.Стояновский, С.Н.Трегубов, И.Я.Фойницкий).

Собственно научный период развития криминалистических представлений о преступной деятельности принято связывать с Г.Гроссом и его последователями (О.Вендель, Р.Гейндль, М.Геринг, Ф.Зеланд, Ф.Мейкснер, Р.Рейнгард, Р.-А.Рейсс, А.Свенссон, Г.Шнейкерт, В.Штибер). Российские имена упоминаются чаще всего, когда говорят о практическом внедрении и популяризаторстве криминалистики, хотя и талантливом (В.И.Громов, В.И.Лебедев, А.И.Люблинский, И.М.Снигирев).

Здесь, по-видимому, проходит граница между западноевропейской эклектической методологией и новой, более дифференцированной. Отечественные криминалисты 20-30-х годов, с одной стороны, взяв на вооружение англо-американскую идею *modus operandi system* (Л.Этчерли, А.Фольмер), а с другой - немецкий прагматизм тактико-методических рекомендаций (Р.Рейсс, В.Штибер), положили начало выделению двух полюсов в объекте криминалистики: преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений (С.А.Голунский, Г.Ю.Манне, С.М.Потапов, Г.К.Рогинский, И.Н.Якимов).

Современный период криминалистических исследований преступной деятельности характеризуется методологическим переходом от “железного структурализма” в стиле модусов Этчерли - Фольмера - Якимова - Зуйкова к моделям, позволяющим выявить не только взаимосвязи структурных элементов, но и расположить эти взаимосвязи в иерархическом порядке.

Этот переход усилиями многих криминалистов и криминологов постепенно приобретает конкретные очертания. Заметны обособленные научные направления.

Так, начиная с середины 70-х годов стала публиковаться серия (шесть выпусков) объемных работ большого авторского коллектива Института прокуратуры, совместно с Экономическим институтом при Госплане, Экономико-математическим институтом Академии Наук, Институтом по изучению конъюнктуры торговли, Научно-исследовательской лабораторией МВД СССР (отв. ред. В.Г.Танасевич). Была произведена попытка систематизации субъектов и способов подготовки, совершения и сокрытия хищений государственной и общественной собственности в различных отраслях хозяйства (В.Б.Ястребов и др.).

Примерно в это же время на основе эмпирических материалов, собранных вначале в прокуратуре Нижегородской области (Л.Г.Видонов), а затем в Институте прокуратуры, было подготовлено справочное пособие, содержащее

типовые версии, соотнесенные с конкретными исходными данными, с которых обычно начинается расследование дел об убийствах. Между прочим, уже тогда ведущие ученые института (Н.А.Селиванов, Б.В.Коробейников, К.Ф.Скворцов, 1983) отдавали себе отчет, что методологическую основу исследований и результаты следует рассматривать как весьма приблизительные.

В начале 80-х годов публикуются результаты прикладных разработок Н.Б.Опарина. Автор проделал значительную работу по систематизации эмпирических данных, но задача проверки закономерности факторных связей им не ставилась и не решалась. Кроме того, многие связи между элементами деятельности из-за существенных пробелов не являются корректными.

Научные разработки по анализу следственных ситуаций, которые ведутся с середины 70-х (Л.Я.Драпкин, С.И.Цветков, Н.П.Яблоков и др.) принципиально не могут пойти дальше без решения исходных проблем в связи с типизацией версий. Насколько глубоко решен вопрос о типовых версиях, настолько основательно может быть рассмотрена типология ситуаций расследования.

В системах информационного обеспечения процесса расследования (З.И.Кирсанов, В.Я.Колдин, Х.Користка, Н.С.Полевой и др.) также выявлена та же зависимость: объем и качество познания закономерностей расследования находятся в прямом отношении к познанным закономерностям механизма преступной деятельности.

Методология создания учебных и прикладных компьютерных экспертных систем (Н.Б.Бобрынин, С.И.Цветков и др.) только формируется как научное направление, но уже сейчас понятна первопричина слабости создаваемых программ: нет полных и конкретных криминалистических характеристик преступной деятельности.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что концепция, связанная с *modus operandi system* и криминалистической характеристикой преступлений, “переживает серьезные трудности” (В.Я.Колдин, 1989).

Особенность исследований преступной деятельности в зарубежной криминалистике характеризуется ярко выраженной прагматической тенденциозностью. Многочисленные научные направления, школы и течения в Англии, Германии, США, Франции и других странах ориентируются либо на криминологические аспекты либо на практические стороны расследования преступлений. Однако нужно отметить, что в последнее время R.S.Charles, С.С.Neil, Т.Leonard - авторы фундаментальной работы “Criminal Investigation”, изданной во многих странах мира; Р.L.Kirk, книга которого “Crime Investigation” с 1974 по 1985 годы выдержала несколько изданий; С.Альбрехт, Дж.Венц, Т.Уильямс, чей бестселлер уже переиздавался в России; Бу Свенссон, Ж.Марсилли,

Р.Минна, Ж.-М.Шарле, Г.Й.Шнайдер и другие стали понимать нужду в переосмыслении методологических подходов не только в изучении “полицейской технологии”, но и “технологии” преступной деятельности.

В редакционной статье немецкого журнала “Kriminalistik” (1990, № 12) сложившаяся познавательная ситуация оценивалась как кризисная, поскольку научные исследования преступной деятельности основываются на “поверхностных представлениях” и “вульгарных подходах”.

Для анализа современного состояния разработанности проблемы механизма преступной деятельности изучено свыше 450 отечественных и зарубежных источников научной информации. Результаты такого изучения позволили выявить высокую актуальность и неослабевающее внимание к данной проблеме ученых и практиков. Вместе с тем в изученных работах, прежде всего в криминалистических, не сформулирован и не применен на конкретном эмпирическом материале целостный методологический подход. Это не позволило криминалистам преодолеть фрагментарность и описательность в своих разработках.

Необходимость смены методологической парадигмы, по нашему мнению, стала очевидной и неизбежной после введения в научный оборот понятия “механизм преступления” (В.К.Гавло, М.К.Каминский, З.И.Кирсанов, В.А.Образцов, Н.П.Яблоков). Более того, “механизм преступления” был возведен в ранг основного элемента предмета криминалистики (Р.С.Белкин, 1997) и была сделана диссертационная попытка создать “криминалистическое учение о механизме преступления” (А.М.Кустов, 1997). Однако методологическая сторона исследования этого механизма по-прежнему осталась на периферии криминалистической науки.

Состояние проблемы в области практики. В практической деятельности сотрудников органов МВД, Прокуратуры России и других правоохранительных органов имеются многочисленные признаки разрыва между оперативно-служебными задачами и возможностями научных разработок в криминалистике.

Методики предварительного следствия и дознания во многом не обеспечивают обоснованность выдвижения типовых версий, планированию и принятию решений по их проверке.

Формирование литературных (оперативно-справочных) дел в оперативно-розыскной деятельности затруднено, поскольку нет эффективных программ изучения видов и групп преступлений.

Централизованные и региональные криминалистические учеты построены на методологических схемах, которые не отражают запросов практики. Управленческий анализ оперативной обстановки основан на противоречивых

статистических позициях, ориентированных на устаревшие традиции.

Эти и другие аспекты сложившейся ситуации в криминалистике и практике правоохранительных органов обусловили выделение объекта и предмета диссертационной работы.

Объект исследования. В качестве объекта исследования выступает преступная деятельность, понимаемая как процесс закономерного усвоения субъектом способов совершения действий по решению задач подготовки, совершения, сокрытия преступлений и воспроизводства результатов целеполагания.

Предмет исследования. Этим предметом являются общие закономерности построения, последующего анализа и экспериментальной проверки модели механизма преступной деятельности: 1) теоретико-методологические закономерности построения исследовательской модели механизма преступной деятельности; 2) методологические закономерности научного анализа этой модели; 3) закономерности свойств и отношений элементов самой модели.

Цель и задачи исследования. Конечной целью диссертационной разработки является создание реализуемой и универсальной программы выявления объективных закономерностей механизма преступной деятельности. Достижение этой цели позволяет сделать методологически верными и явными (доступными для критики и улучшения) общую и частные схемы исследовательского процесса.

Основная гипотеза исследования, выдвинутая в соответствии с его целью, состоит в предположении о том, что криминалистическое исследование механизма преступной деятельности может быть реализовано в рамках целостной методологической программы с получением таких результатов, которые бы явились основой для формирования криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений.

Частные гипотезы исследования:

1) задача версионного анализа исходной информации доминирует в общей структуре (на каждом этапе) расследования преступлений;

2) результативность версионного анализа исходной информации детерминируется полнотой и достоверностью криминалистических характеристик преступной деятельности;

3) криминалистическим характеристикам преступной деятельности присущи недостатки: отсутствие корреляционных элементных связей; отсутствие доказательств, что эти связи являются закономерными; отсутствие количественных показателей установленных закономерных связей;

4) главной причиной названных недостатков является ограниченность традиционного методологического подхода к формированию криминалисти-

ческих характеристик преступной деятельности: приверженность к элементному описанию; выявлению только частоты встречаемости системных элементов; разрыв с версионной структурой (системой типовых версий);

5) механизм преступной деятельности, как особая криминалистическая категория, позволяет корректно развести смежные понятия: преступная деятельность; способ совершения действий; криминалистическая характеристика преступлений;

6) модель механизма преступной деятельности имеет методологические свойства: универсальность, возможность развития (открытость архитектуры), верификация;

7) элементарно-функциональная модель механизма преступной деятельности находится в изоморфном отношении к структуре версионного анализа при расследовании преступлений.

Основная и частные гипотезы исследования обусловили решение следующих задач:

- определить теоретические и методологические предпосылки диссертационного исследования;
- структурировать общий процесс расследования преступлений и установить приоритетность задач на каждом этапе этого процесса;
- выделить версионный анализ исходной информации в качестве системообразующего начала в построении модели механизма преступной деятельности;
- обосновать исследовательский подход к определению категориальной сущности механизма преступной деятельности (интерпретировать принципиальные положения структурного, функционального и статистического анализа в рамках развивающегося учения о закономерностях механизма преступной деятельности);
- выявить структурно-функциональные элементы многоуровневой модели механизма преступной деятельности;
- показать содержание и значение функционального аспекта модели механизма преступной деятельности;
- сформировать целостный комплекс методических и программных средств исследования компьютерных баз данных централизованных криминалистических учетов;
- выявить основные методические принципы предварительной обработки компьютерных баз данных;
- вскрыть закономерности первого типа - закономерности частоты

встречаемости основных факторов механизма преступной деятельности (построение статистических гипотез на конкретном эмпирическом материале);

– подготовить и провести экспериментальную часть диссертационной разработки в рамках факторного анализа (проверка статистических гипотез);

– интерпретировать результаты факторного анализа модели механизма преступной деятельности в виде закономерностей второго типа - закономерностей корреляционных отношений как основы для иерархической системы типовых версий.

Методологическая база диссертационного исследования представлена общенаучным методом диалектического материализма и частными методами научного познания: индуктивным, дедуктивным, анализа, синтеза, историческим, социологическим, сравнительным, факторным и кластерным методами (С.А.Айвазян, В.Л.Дюк, И.С.Енюков, П.Клайн, Д.Лоули, Р.П.Рунион, Ю.Э.Янсон). В диссертации широко использованы методы прогностики: экстраполяции, моделирования, экспертных оценок (А.Буланже, Д.Мичи, Р.Шенк, А.Г.Шмелев).

В диссертации применены многие элементы достаточно известных методологических подходов: системно-структурного (И.В.Блауберг, П.В.Копнин, Б.Рассел, В.С.Тюхтин, А.Уайтхед, А.И.Уемов, А.Д.Урсул, А.П.Шептулин, Э.Г.Юдин), функционального (Н.М.Амосов, П.К.Анохин, С.Бир, К.В.Судаков, Ю.М.Пратусевич, М.В.Сербиненко, Г.Н.Орбачевская), “продуцирования” (Р.Акофф, Ф.Эмери), “тектологического” (А.А.Богданов), структурно-иерархического (К.Кернс, Дж.Клир, Т.Саати), объектно-ориентированного (Г.Буч, С.Меллор, Э.Ф.Телло, С.Шпеер) и, наконец, “классического” (В.Гегель, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, К.Р.Мегрелидзе и др.).

Выход в философские, социологические, психологические и иные поведенческие области знания делается только затем, чтобы криминалистика была бы по отношению к ним частной наукой. Позиция исследователя должна находиться на вышележащем методологическом уровне.

Пора признать: всякое научное (логическое) описание внутренней структуры механизма преступной деятельности посредством модели есть практическое осуществление задач исследователя. Это - более или менее систематизированный взгляд с точки зрения пользователя такой модели.

Так или иначе, автор смотрел на методологию исследования сквозь собственные убеждения, ведомственные установки и научные тенденции, выраженные в трудах известных отечественных ученых: Т.В.Аверьяновой, Р.С.Белкина, А.И.Винберга, И.А.Возгина, И.Ф.Герасимова, В.Д.Грабовского, С.П.Голубятникова, Л.Я.Драпкина, А.В.Дулова, Г.Г.Зуйкова, Е.П.Ищенко,

М.К.Каминского, В.Н.Карагодина, З.И.Кирсанова, А.М.Кустова, В.Я.Колдина, В.Е.Корноухова, И.Ф.Крылова, Н.Ф.Кузнецовой, В.И.Куликова, В.Д.Ларищева, И.М.Лузгина, А.Г.Маркушина, В.А.Образцова, А.Р.Ратинова, Н.А.Селиванова, Э.С.Тенчева, В.Т.Томина, А.Г.Филиппова, А.А.Хмырова, С.И.Цветкова, Е.Е.Центрова, В.И.Шиканова, А.Р.Шляхова, А.А.Эйсмана, А.А.Эксархопуло, Н.П.Яблокова, В.Б.Ястребова и др.

Материал излагается путем восхождения от абстрактного к конкретному, то есть посредством постепенного продвижения от меньшей к все большей определенности содержания. Это, на наш взгляд, предохранит, с одной стороны, от “чистого методологизма”, а с другой - от простого описательного эмпиризма. По крайней мере, есть уверенность в том, что конкретные результаты исследования дают возможность судить о достоверности самой методологии.

Эмпирическая база диссертации. Достоверность и обоснованность выводов, сделанных по результатам исследования, обеспечены в первую очередь репрезентативным массивом эмпирического материала. В нашем представлении, важно не максимальное количество уголовных дел, оперативных материалов и опросных листов, составляющих эмпирическую базу данных, а минимальное - не менее десяти - количество частоты “попаданий” в каждый параметр структуры исследовательской модели (позицию анкеты, матрицы). При этом, автор учитывал: а) методологическую необходимость полной реализации диссертационной разработки, включая экспериментальную часть; б) строгое соблюдение методологических принципов работы с компьютерными банками данных; в) статистические требования применения метода факторного анализа; г) иллюстративные возможности эмпирических данных.

Всего было использовано около 100 тыс. компьютерных информационно-поисковых карт (формы № 1) по различным видам и группам преступлений, в которых в той или иной мере отражены: а) поло-возрастные характеристики субъектов (фигурантов); б) сведения о судимости и преступных связях; в) информация об обстановке совершения преступлений; г) данные о способах, средствах совершения преступных действий и др.).

Компьютерные массивы информационно-поисковых карт датируются 1995-97 гг. и относятся к нескольким областям: Владимирской (2, 5 тыс. карт), Ивановской (около 5 тыс. карт), Кемеровской (свыше 10 тыс. карт), Костромской (3 тыс. карт), Курганской (2 тыс. карт), Нижегородской (свыше 77 тыс. карт).

В экспертной сети (в процессе использования метода экспертных оценок) работали несколько опытных специалистов-практиков из различных регионов России.

Основные этапы исследования охватывают десятилетний период. На первом этапе (1987-1991 гг.) осуществлялась работа по изучению практики расследования различных видов и групп преступлений, по результатам которой опубликованы три учебных пособия (одно - в соавторстве). При этом существовала гипотеза о том, что криминалистические характеристики применяются некорректно. Отсюда - основное внимание было обращено на анализ методологических ошибок при использовании криминалистических характеристик преступной деятельности. Поэтому к каждому учебному пособию подготовлены приложения в виде типовых схем построения и разработки типовых версий.

На втором этапе исследования (1991-1995 гг.) разрабатывалась гипотеза об уязвимости научного подхода к формированию криминалистических характеристик преступной деятельности. Следует отметить, что в данный период шла проработка возможностей статистического моделирования преступной деятельности. Были опубликованы еще два учебных пособия (оба - в соавторстве), главы в учебниках криминалистики и др.

На третьем этапе (1995-1997) разрабатывалась общенаучная база исследования, формировалась и апробировалась авторская модель механизма преступной деятельности, строилась методологическая программа ее исследования, выявлялась частотная характеристика отдельных элементов модели, изучались детерминирующие факторы и т.д. Особое значение отводилось созданию комплекса методических и программных (компьютерных) средств статистического анализа построенной модели механизма преступной деятельности. По результатам проделанной работы издана монография, подготовлено ряд научных сообщений на различных конференциях и Ученом совете Нижегородского юридического института МВД России.

Научная новизна исследования. Методологическая позиция автора отражает, с одной стороны, новый крупномасштабный подход к созданию универсальной модели механизма преступной деятельности, а с другой - представляет собой исследовательскую программу анализа построенной модели.

1. Теоретическая модель механизма преступной деятельности отличается от прежних: а) по предпосылкам создания; б) по структуре; в) по цели и задачам исследования; г) по возможностям верификации и развития (по законам “открытой архитектуры”).

2. Удалось выявить основную предпосылку формирования исследовательской модели механизма преступной деятельности закономерность того, что в структуре расследования доминирующей задачей является версионный анализ исходной информации. Отсюда оказалось возможным получить “зеркальное” соответствие структуры модели со структурой версионного анализа.

Корреляция (взаимосвязь) главных элементов модели предполагает корреляцию типовых версий.

3. Структурная новизна модели механизма преступной деятельности обусловлена закономерностями: а) пропорционального равенства степени проявления функций развития, защиты и отображения; б) одновременного проявления всех функций на каждой стадии развертывания механизма; в) соответствия степени проявления функций и содержания версионных (главных) элементов модели; г) соответствия версионных элементов их структурному окружению (признакам и показателям признаков).

4. Обладает новизной комплекс средств, специально созданных для анализа модели механизма преступной деятельности: а) методологические принципы автоматизированной обработки централизованных криминалистических учетов; б) статистические приемы выявления закономерностей частоты встречаемости элементов модели; в) предметная адаптация методов факторного анализа.

Важное место в этом комплексе занимают авторские компьютерные программы, специально созданные для выявления и проверки статистических гипотез.

Обоснованы и доказательно представлены результаты экспериментальной части исследования, которые проведены в рамках факторных методов анализа.

Установленные закономерные связи между элементами модели механизма преступной деятельности в конечном счете имеют многоаспектное значение: они подтверждают правильность предпосылок и гипотез диссертационного исследования; продуктивность созданной модели; адекватность использованных средств анализа; реальность и универсальность исследовательского подхода в целом.

Результаты настоящей работы могут быть использованы в качестве теоретической и методологической базы для последующих криминалистических исследований: 1) отдельных видов и групп преступлений; 2) типологии механизма преступной деятельности; 3) систем криминалистических учетов; 4) тактики и техники с применением методов многоуровневого моделирования и факторной статистики.

Практическая значимость результатов диссертации. Разработанная методологическая концепция криминалистического исследования механизма преступной деятельности, введенные понятия категориального аппарата выступают теоретико-методологической основой для практической организации продуктивных разработок в сфере научной криминалистики. Эти разработки

позволяют привести в соответствие методики расследования с интересами органов предварительного следствия и дознания.

Универсальный подход к практическому формированию криминалистических (и “оперативно-тактических”) характеристик видов и групп преступлений обеспечивает развитие криминалистических учетов, повышение уровня анализа оперативной обстановки, профессиональному ведению “отраслевых”, “объектовых” и “линейных” оперативно-справочных дел.

Содержание материалов диссертационного исследования может быть использовано в качестве научно-методической основы для разработки учебных пособий и рекомендаций, а для подготовки и переподготовки кадров научных и образовательных учреждений системы МВД России, ФСБ, налоговой полиции.

На защиту выносятся авторская концепция криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Концепция включает:

1) закономерность методологической предпосылки о доминирующей задаче версионного анализа исходной информации в общей структуре расследования преступлений;

2) закономерности теоретических предпосылок формирования исследовательской модели механизма преступной деятельности (научные тенденции в криминалистическом моделировании объектов анализа; адаптированные положения структурного, функционального и факторного исследования многомерных и многоуровневых моделей);

3) категориальную характеристику механизма преступной деятельности как выражение, средство и результат определенного исследовательского подхода, а также толкование вскрытых и экспериментально (статистически) проверенных закономерностей конкретного вида преступной деятельности в целях формирования иерархической системы типовых версий;

4) понятийно-терминологический аппарат (в рамках авторской концепции): функции развития, защиты и отображения; степени проявления функций; главные (направляющие) элементы (типовые версии); структурное окружение главных элементов (типовые признаки версий); элементы признаков версий;

5) исследовательский комплекс, состоящий как из методологических правил и процедур, так и программных средств компьютерной технологии обработки баз данных.

Двойственная природа криминалистической модели механизма преступной деятельности требует рассмотрения этой модели, с одной стороны, как промежуточного результата познания и, с другой, как инструмента последующего изучения объективных закономерностей преступной деятельности.

В качестве промежуточного результата познания модель механизма преступной деятельности характеризуется следующими закономерностями: 1) структурные элементы модели обладают потенциальными способностями к вертикальным и горизонтальным взаимосвязям типа “посылка - следствие - посылка”; 2) элементы модели имеют возможность преобразования в элементы версионного анализа по типу условно-вероятностного силлогизма “если... то, вероятно...”; 3) функции развития, защиты (противодействия) и отображения имеют пропорциональное равенство степеней интенсивности; 4) каждой степени интенсивности функции соответствуют определенные типовые элементы и элементное окружение (признаки типовых элементов).

В качестве инструмента познания объективных закономерностей преступной деятельности модель механизма представляет следующие исследовательские возможности:

1) формировать статистические гипотезы (посредством выявления частотной характеристики типовых элементов и их элементного окружения); 2) проводить количественные измерения большинства элементов модели механизма преступной деятельности, выраженных в шкалах наименований; 3) выявлять принципы построения и анализа компьютерных баз данных, отражающий конкретный вид преступной деятельности; 4) применять методики факторного подхода в целях построения иерархической системы корреляционных отношений структурных элементов модели; 5) интерпретировать результаты центроидного и кластерного методов как основу для разработки типовых версий.

Апробация и практическая реализация основных положений работы. Тема диссертации рассмотрена и одобрена кафедрами криминалистики Нижегородского юридического института МВД и Академии МВД России, Ученым советом НЮИ МВД РФ (соответственно, протокол № 6 от 13.12.91 г. и протокол № 10 от 25.12.91г.) и зарегистрирована в установленном порядке в Координационном бюро по криминалистике Научно-исследовательского института проблем управления, законности и правопорядка Прокуратуры Российской Федерации (протокол № 1 от 03.01.92г.).

Опорные схемы версионного анализа исходной информации при расследовании хищений в сельском хозяйстве и в строительстве получили одобрительные отзывы кафедр криминалистики Московской и Волгоградской высших школ (сейчас - институтов) МВД России, а также рецензентов Научно-методического центра и Службы криминальной милиции МВД Российской Федерации (1987 г., 1991 г.). Экспертные системы “Мясо” и “Полус” (компьютерная поддержка версионного анализа и принятие решений о проверке версий при расследовании хищений мясной и молочной продукции, 1989 г. - в

соавторстве) были внедрены в практику работы нескольких региональных органов внутренних дел.

Принципиальные положения диссертационного подхода были изложены на межвузовском методологическом семинаре на кафедре криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета (февраль 1988 г.), на Ученом совете Нижегородского юридического института МВД России (март 1992 г., январь 1997 г.).

Концептуальные положения диссертационной работы были предметом рассмотрения жюри Международного фонда “Культурная инициатива” (были отмечены дипломом и премией Дж. Сороса (1993 г.).

Некоторые гипотезы и выводы диссертации апробировались на межвузовских и международных конференциях (Москва, 1994 г., 1996 г., 1997 г.), а также на международных семинарах, проведенных совместно с ФБР США (Н. Новгород, 1995-96 гг.).

Сформулированные в рамках диссертационного исследования научно-практические положения используются в деятельности УВД Нижегородской области, РУОП Волго-Вятского региона, а также Криминалистического отдела Следственной части Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Результаты (в том числе и промежуточные) диссертационной разработки нашли свое отражение в учебном процессе и научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России.

По теме диссертационного исследования за 1987-1997 гг. опубликовано пять учебных пособий (три - в соавторстве), глава в научно-практическом пособии (1994 г., в соавторстве), главы в двух учебниках по криминалистике (1995 г.), монография (1997 г.) и научные статьи (всего опубликовано свыше 60 п.л.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Первая глава посвящена теоретическим предпосылкам, методологическим условиям, допущениям и рабочим гипотезам диссертации.

Во второй главе рассматривается категориальная характеристика механизма преступной деятельности (разграничение смежных понятий и построение исследовательской модели).

В главе третьей излагаются обоснования и схемы методологической программы исследования полноструктурной модели механизма преступной деятельности и принципы предварительной обработки компьютерных баз данных. Здесь же дается частотная характеристика основных элементов модели механизма преступной деятельности.

В четвертой заключительной главе реализуется экспериментальная

часть исследовательской программы, которая нацелена на выявление корреляционных закономерностей типовых элементов модели механизма преступной деятельности (проверка статистических гипотез и криминалистическая интерпретация результатов).

После четвертой главы даются: авторские выводы по диссертации; четыре приложения; терминологический словарь; библиографический список, составленный по алфавитному способу.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и степень разработанности темы диссертационной работы, формулируются цель и основные задачи исследования, дано описание его методологической и эмпирической базы, характеристика новизны и значимости полученных результатов.

В первой главе - “Теоретические и методологические предпосылки исследования” - с междисциплинарных позиций выявляется острота и значимость разрешения познавательной ситуации в связи с введением новой криминалистической категории “механизм преступной деятельности”. Здесь же приводятся основания для научных гипотез и намечаются пути их проверки.

В первом параграфе “Постановка проблемы: сущность и актуальность” утверждается возможность проведения методологического исследования механизма преступной деятельности на конкретном эмпирическом материале. Основной причиной непопулярности методологического направления в криминалистике является техническая сложность аргументации на уровне “закономерности поиска закономерностей”.

Если и существуют в криминалистической науке методологические правила, то они, чаще всего, специально не формулировались. Исследование преступной деятельности весьма длительное время велось спонтанно, без систематического контроля со стороны методологической рефлексии. Но и впоследствии, когда уже появились некие устойчивые схемы анализа, они постепенно стали утрачивать прежние свои позиции. Упадок известной концепции “криминалистическая характеристика преступлений”, по нашему мнению, произошел потому, что исследователи формировали модели преступной деятельности только на методическом и описательном уровнях. Методологические заделы, имеющие 20-30-летнюю давность, в значительной степени исчерпали свой потенциал.

Нет и не может быть прямых и непосредственных переходов от потребностей практики расследования к теоретической “машине” криминалистической науки. Это возможно только через методологическое проектирование

криминалистических исследований. Причем первоначально поиск методологических средств ведется в самом широком диапазоне, в том числе и в общенаучной методологии. Различие между собственно методикой и методологией в чем-то сходно с кантовским различием рассудка и разума. “Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам” (И.Кант).

В первом случае речь идет об отношении "человек - предстоящая деятельность", во втором - "человек - программа деятельности". Последнее есть ситуация выбора общего метода и представляет собой не что иное как специфическое отношение аналитического, исследовательского характера. Это предполагает выход в рефлексивное положение к чужим и к своим позициям.

Внутринаучная рефлексия - это и есть методология науки. В известном смысле получается обращение криминалистического познания на самого себя. Накапливается то, что можно назвать внутренним опытом криминалистики. Закономерности связей между различными и возможными методологическими парадигмами - это предмет методологии. Можно понять, что закономерности самого исследования, с одной стороны, и закономерности механизма преступной деятельности - с другой, открывают перспективы для их познания и предвидения. Одни закономерности позволяют предсказывать появление других.

В свое время Г.Ю.Манне (1921) неоднократно подчеркивал “служебное значение” для криминалистики знаний о преступной деятельности. Они, по его мнению, нужны лишь для того, чтобы криминалистика могла с успехом выполнить свою основную задачу - разработать эффективные приемы расследования. В большинстве учебников по криминалистике основания методических и тактических решений предполагались “по умолчанию”. Этот разрыв между “служебной” и “основной” задачами криминалистики существует и в настоящее время.

Методологические “ножницы” неизбежно приводят к тупиковой ситуации: если все “служебные” исследования преступной деятельности будут “заморожены”, то последующие “основные” направления вырождаются в мертвую схоластику.

Недостаток достоверных знаний о функционировании преступной деятельности неизбежно вызывает цепную реакцию последствий, означает еще большие препятствия на пути исследования всех последующих типов криминалистических закономерностей, то есть предмета криминалистики в целом.

В современной криминалистической науке сложилась особая познава-

тельная ситуация. Заглавной (исходной) и составной частью предмета криминалистики названы и весьма широко признаны “закономерности механизма преступления” (Р.С.Белкин, М.К.Каминский).

Казалось бы, вполне естественным в этом русле ожидать повышения активности научного поиска. Однако заметного оживления не последовало. Напротив, многие криминалисты “устрашились” жесткости предъявляемых требований к конечному результату. Во-первых, должны быть установлены все корреляционные элементные связи; во-вторых, доказано, что эти связи являются закономерными; в-третьих, установленные закономерные связи должны быть выражены в количественных показателях (на это прямо указывали Р.С.Белкин, А.В.Дулов, И.Е.Быховский, 1987). Эти требования оказались слишком жесткими в рамках “теоретических основ механизма преступления” и в рамках криминалистического учения о механизме преступления (Кустов А.М., 1997).

Перечень требований и актуальных научных задач не является исчерпывающим. Нужно определиться в “центральном понятии”; размежеваться с иными смежными категориями и решить проблемы их согласованности; построить модель, адекватную целям и средствам исследования; наконец, обеспечить возможность верификации хода и результатов выполненной работы.

Во втором параграфе - “Основные методологические условия и допущения” - отмечается, что всеобъемлющее проникновение в криминалистическую науку методологии более высокого уровня приносит не только благо. Криминалисты постепенно утрачивают желание стать методологами в своих собственных исследованиях. И, как следствие, не получается конкретного научного выхода на те или иные новые закономерности.

Как строится и как может строиться теоретическая модель механизма преступной деятельности - это сугубо методологическая проблема. Это не слишком большое преувеличение, если иметь в виду строгую зависимость исследовательского подхода от целей исследования. Для одних целей строится одна модель, для других - модель, способная охватить и выразить иную грань реального объекта (преступной деятельности).

Множественность подходов и, соответственно, моделей есть методологическая закономерность исследования.

Диалектика становления методологического направления научных исследований в криминалистике требует изучать всякое явление в исторической связи. Это требование диалектики должно реализоваться в так называемых историко-генетических методах анализа. При этом важно проследить: а) как это явление возникло (предыстория); б) какие главные этапы в своем развитии

прошла история исследований преступной деятельности; в) чем стала криминалистическая методология теперь. Такой анализ позволяет видеть направления развития криминалистической методологии и прогнозировать ее будущее состояние.

Во всяком случае, закономерности налицо: а) не желая мириться с “железным структурализмом” прошлого века (и даже позднего средневековья) “новые криминалисты” все больше акцентировали внимание на анализ причинно-следственных связей эмпирических фактов; б) исследование преступной деятельности, хотя и стихийно, но велось по существу полидисциплинарно, то есть с применением методов различных наук, в том числе и статистики; в) обозначилась тенденция к переходу от изжившей себя формулы “верим, доказывая” к более современной - “доказывая, верим”; г) стали появляться важные для развития методологии факторы: возникло научное сообщество и научные тексты.

“Советская криминалистика, - утверждал Р.С.Белкин (1987), - восприняла у русской дореволюционной криминалистики фактически только идею самостоятельного существования этой науки”. Однако представляется, что капитал идей прошлого века и начала нынешнего до сих пор сказывается на методологической сфере современных криминалистических исследований. Вековая инерционность методологических подходов, когда последователи копируют у предшественников не только прогрессивное, но со временем воспроизводят и то, что исчерпало себя, - явление закономерное и объективное.

Так, количество “модусов” Л.Этчерли (1910) современные авторы увеличили ровно в два раза. Однако с методологической точки зрения наблюдается один и тот же “модусный” подход к структуре криминалистической характеристики преступной деятельности. Парадоксально: таблицы Этчерли-Фольмера-Якимова носят явно выраженный описательный характер. Поэтому они выглядят по-современному, а те, что появляются сейчас - вполне по И.Н.Якимову. Повышение уровня исследования объекта означает не что иное, как переход от методического описания к описанию методики. При этом, методическому уровню должен предшествовать методологический; только на методологическом уровне выявляются ключевые моменты описания криминалистической характеристики.

В частности, забегая вперед, отметим, что в роли единицы анализа, как правило, выступает предметное действие. Его статус и методологические возможности оказались таковы, что годятся лишь для описательного подхода. Для целей нашего исследования требуются иные единицы.

В целом методологическая программа криминалистического исследова-

ния преступной деятельности обусловлена научными проблемами структуризации и содержания расследования. Речь идет о методологическом принципе изоморфизма (соответствия, “зеркальности”) моделей структур расследования преступления и преступной деятельности.

Далее в диссертации проводится системно-структурный анализ стадий расследования на предмет выявления “белых пятен” относительно криминалистических знаний о преступной деятельности. Это позволило найти и обозначить те конкретные информационные пробелы, которые ранее были не найдены, а значит, и не формулировались, и не исследовались как научные проблемы в криминалистике.

Действия, которые нужно уметь производить при расследовании преступлений, следует четко подразделить на два вида: а) мыслительные действия, заключающиеся в иерархическом версионном предвидении наличия следовых картин, обработке информации и ее систематизации; б) практические действия, связанные с непосредственной проверкой версий: обнаружение, фиксация, изъятие носителей информации и превращение информации в доказательства.

На всех этапах расследования в качестве мыслительной процедуры доминирует процедура версионного анализа информации. В то же время перечень задач версионного анализа информации не остается неизменным. Один тип задач преобладает на одной стадии, другой - на последующих. В целом они могут быть сформулированы следующим образом: а) выявление и извлечение (расшифровка) информации о преступной деятельности из вещественных, документальных и личностных источников-носителей; б) систематизация исходной информации, извлеченной из ее источников; в) сопоставление и слияние исходной информации с данными видовой криминалистической характеристики преступной деятельности (формирование исходной версии); г) выведение из версий-посылок версий-следствий); д) выбор методических и тактических решений (проверка версий).

Версионный анализ информации, таким образом, - это процесс восприятия и переработки исходных данных, который основывается на условно-вероятностном силлогизме: "если... то, вероятно..." и ставит своей целью установить и использовать закономерные связи и отношения в версионных и прогностических моделях механизма преступной деятельности.

Что касается практического использования закономерных иерархических связей между версиями, то эта проблема не является научной. Криминалистической (научно-методологической) проблемой выступает сам поиск путей выявления версионной структуры и построение иерархического “дерева”

закономерных версионных отношений. Иначе говоря, закономерности исследования механизма преступной деятельности должны соответствовать закономерностям построения и разработки версий при расследовании преступлений. Можно сказать еще проще: поскольку версии необходимо использовать при расследовании, тогда прежде их нужно “извлечь” из механизма преступления.

В третьем параграфе - “Исходные понятия и категории” - замечается, что криминалистическая терминология - составная часть теории и методологии, показатель зрелости криминалистики вообще и формирующегося учения о механизме преступной деятельности, в частности. Неупорядоченность терминологии весьма отрицательно сказывается на разработке понятийного, категориального аппарата науки. Автор определился в следующем: термин лишь обозначает (называет) что-то, понятие логически оформляет общую мысль об обозначенном, категория же в абстрактном виде выражает сущность реального объекта исследования.

Далее - для непротиворечивости дальнейшего изложения производится сопоставление и согласование понятий “преступная деятельность”, “способ преступления”, “криминалистическая характеристика преступной деятельности”.

Рискнем утверждать, что генетические корни идеи деятельностного (психолого-социологического) подхода можно встретить у ранних криминалистов (заметим, что криминалистом называли всякого любителя или профессионала, занимающегося проблемами науки и практики борьбы с преступностью). В конце XIX и в начале XX столетий понятие “преступная деятельность” было в ходу среди европейских юристов (Г.Ван-Гаммель, А.Прэнс, Ф. фон Лист). Именно они сформулировали положение о том, что преступление - это лишь государственная и правовая оценка содеянного. Преступление - понятие только юридическое. В первую очередь не оно должно занимать умы криминалистов (Лакассаль). Собственно, на волне французской (“лионской”) социологической школы, термин “преступная деятельность” вошел в научный оборот. Если таковой термин применялся, то это означало, что речь шла не о преступлении, как юридическом понятии, а о человеческом проявлении, в основе которого были два фактора: объективный и субъективный. Эти факторы и “дают равнодействующую - преступную деятельность” (Д.А.Дриль, 1895).

Отсюда становятся понятными истоки той свободы, с которой в начале XX века русские юристы оперировали понятием “преступная деятельность” (И.Я.Фойницкий, 1910; Вл.Случевский, 1913). Представляется, что это понятие и есть то “криминалистическое” понятие преступления, на чем настаивают современные криминалисты (Г.А.Густов, М.К.Каминский, В.А.Образцов).

Термин “способ преступления” также имеет давние традиции в криминалистической науке и практике. Представления криминалистов о деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений развивались в русле общепринятой концепции. В ее основу, на наш взгляд, был положен системообразующий элемент - *modus operandi* (лат. - “способ, образ действий”). Однако почти все авторы - вольно или невольно - прибегают к более широкому толкованию этого понятия, чем оно того заслуживает. Это - не случайность.

Не вполне корректное (расширительное) изначальное толкование регистрационной системы “*modus operandi sistem*” (MOS) стало одной из причин “слияния” понятий, относящихся к различным иерархическим уровням: понятию способа совершения преступных действий и понятию преступной деятельности. Даже если допустить совершенно правильное толкование MOS, то в принципе это средство никогда не обеспечивало практические потребности криминалистической регистрации, не удовлетворяло нужды практиков в розыскной работе. Поэтому MOS постепенно “обрастал” многочисленными и порой случайными элементами.

Практическая нужда полного описания преступления, а не только “способа действий”, заставляла выходить за рамки собственно понятия способа. По сути, как правило, речь шла о преступной деятельности в целом или, по крайней мере, о системе способов совершения тех или иных действий.

“Ошибка” ранних криминалистов состояла в том, что они ставили такую задачу регистрации преступлений, методы решения которой ей не соответствовали. Но изменение этой задачи - в сторону расширения и усложнения - явно не констатировалось, в результате чего иногда создается впечатление, что была решена именно исходная задача. Хотя на самом деле это не так. На самом деле круг первых проблем экспериментальной криминалистики это проблемы элементарных измерений, простейшей регистрации преступных проявлений.

Способ преступления, по мнению многих авторов, является системой (комплексом, совокупностью) взаимосвязанных актов поведения. Он содержит в себе качественную характеристику преступного действия (бездействия); в нем отражаются определенные качества личности преступника, форма вины, мотив и цель преступления; он детерминирован определенными субъективными и объективными факторами (Г.Г.Зуйков, 1986).

Если сопоставить это определение с объемом понятия “преступная деятельность”, то выяснится их полное совпадение.

Между тем, традиционное понятие “способ преступления” не адекватно понятию “преступная деятельность” ни по объему, ни по содержанию. Эти понятия соотносятся между собой не как целое к части, а как процесс и форма

его осуществления. Причем в таком понимании “способ” может соответствовать только нижнему (операциональному) уровню иерархии деятельности, а именно - уровню совершения преступного действия. В противном случае вся преступная деятельность состоит из единичной операции как способа совершения конкретного единичного действия.

Степень освоения способа совершения действия детерминирует развитие и воспроизводство исторически сложившихся видов и форм преступной деятельности. Иначе говоря, уровень развития преступной деятельности находится в прямо пропорциональной зависимости от степени освоения способов выполнения действий.

Выбор методологического подхода к анализу модели механизма преступной деятельности при ближайшем рассмотрении не столь богат. Например, “тектологическая” теория (“всеобщая организационная наука”) А.А.Богданова о строении человеческой деятельности более всего вписывается в кибернетические модели экономических процессов.

“Системологическая” концепция (теория “порождения”) Дж.Клира также не может быть заимствована по причине ее связи с проблемами иерархического представления знаний в виде экспертных систем.

Теория “продуцирования” Р.Акоффа и Ф.Эмери скрупулезно объясняет процедуры выбора решений, схемы конфликтов и других типов социального взаимодействия, но материал крайне трудно экстраполировать на криминалистическую проблематику.

Полная аналогия, которую проводит С.Бир, между деятельностью человека, коммерческой организацией, управлением экономикой государства, с одной стороны, и работой мозга, с другой, не вызывает таких же ассоциаций применительно к исследованию преступной деятельности.

С нашей точки зрения, основным инструментом изучения модели преступной деятельности должна служить “классическая” декомпозиция: выделение системообразующего понятия и его составляющих компонентов. При этом нужно признать, что уровень абстракции определяется возможностью хорошо различить все существенные для исследователя свойства модели, но в то же время, чтобы не были видны остальные. Не могут быть оценены как противоречивые два пути исследования: либо детальный анализ структурных элементов и последующее понимание связей между ними, либо изучение связей и получение за счет этого представлений об элементах. Нельзя проводить выделения элементов деятельности без понимания их взаимосвязи, так же как и нельзя понять какие-либо взаимосвязи без должной декомпозиции элементов. Тот и другой путь изучения одинаково может способствовать объяснению мо-

дели механизма преступной деятельности и равным образом приводить к достоверному результату. Вместе они могут дать исследователю больше, чем каждый путь в отдельности.

Анализ категории “криминалистическая характеристика преступлений” дает возможность увидеть методологическую уязвимость подхода в целом. Разброс параметров настолько велик, что становится понятным: мы имеем дело только с первой ступенью научного познания - абстракцией выделения (от единичного к общему). С одной стороны, выделение общего (сходного) фактически происходило в рамках состава преступления и предмета доказывания. Поэтому общее понятие криминалистической характеристики преступной деятельности наделялось теми же качествами. Всякого рода “привязки” криминалистов к формальным конструкциям уголовного и уголовно-процессуального права заведомо сужают представления о реальной деятельности либо происходит смешение ключевых понятий.

Так, структура "криминалистической характеристики преступления" в изложении И.Ф.Герасимова (1994) и структура "механизма преступления" с точки зрения Р.С.Белкина (1997) принципиально не различаются.

“Твердым” ядром модели преступной деятельности, как нам представляется, выступает ее механизм. Описание закономерностей механизма и образует в совокупности криминалистическую характеристику преступной деятельности.

Только через форму методологического исследования закономерностей можно корректно выйти на форму их методического описания.

Все это ставит проблему тщательного изучения категориальной характеристики механизма преступной деятельности, его существенных черт и взаимосвязей с иными понятиями в учении о составе преступления, в теории доказательств, в криминологии, статистике и т.д.

Глава вторая - “Категориальная характеристика механизма преступной деятельности” - посвящена понятию, сущности, структуре новой категории и проблемам создания соответствующей модели.

Первый параграф - “Механизм преступной деятельности: новые подходы к определению” - начинается с изложения методологических причин, почему именно механизм преступной деятельности был избран в качестве “центрального понятия”.

Выбор “центрального понятия” исходит из субъект-объектной двойственности системы, как реального объекта и как “способа мышления” исследователя (У.Р.Эшби). Применяя термин “система”, мы выражаем не только сущность, но и наше отношение к сущности объекта, подчеркивая класс свойств, которые представляются интересными.

Таким образом, в настоящий методологический сценарий была заложена гипотеза о том, что именно в модели механизма преступной деятельности отражаются такие свойства и их отношения, исследование которых позволит достичь результата конкретного научного поиска. В этом смысле преступная деятельность предстает как объект, механизм - как модельное средство ее изучения, а криминалистическая характеристика является научным продуктом.

Как и многим иным терминам, заимствованным из другой сферы, криминалистическому термину “механизм преступной деятельности” недостает определенного значения. Как ни парадоксально, но современное расширение сферы применения термина “механизм” вызвано, на наш взгляд, достижениями познания в социальной форме движения материи. В то же время не следует забывать рекомендации Б. Рассела о “благоразумности применения механистической теории как рабочей гипотезы, от которой следует отказаться только в том случае, если будут найдены явные доказательства против нее”.

А.А.Богданов (1925) приводит определение: "Механизмами" называются... те организованные системы, которые планомерно устраиваются самими людьми, а затем все те системы, строение которых удалось познать и сделать понятным... ". "Механизм" - понятая организация, и только". Этот же автор был убежден, что “структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин”.

Модель механизма преступной деятельности - абстрактная система: все его элементы являются понятиями. Его части - продукты нашего логического воображения, но воображения направленного, "заинтересованного". Механизм выявляет нечто такое, что оставалось невидимым в самой моделируемой деятельности. Механизм преступной деятельности не является особым иерархическим уровнем системы или же ее элементом, а есть отражение методологической стороны в целом.

Понятие “механизм преступной деятельности” - не фигуральный термин и не служит синонимом, например, понятию “преступная деятельность”.

Введение в научный оборот особого понятия и категории “механизм преступной деятельности” подчинено достижению заранее определенной исследовательской цели: воссоздание изучаемого объекта таким образом, чтобы в реконструкции обнаружились закономерности путей такой реконструкции.

В общем виде определение модели механизма преступной деятельности формулируется так: это методологическая категория, выражающая закономерности теоретического построения и экспериментальной проверки модельной иерархической системы корреляционных отношений структурных элементов,

в целях последующего формирования типовых версий и корректировки типовых методик расследования преступлений.

Таким образом, это представление "конкурирует" с существующими, хотя и "не устоявшимися в литературе", понятиями (Р.С.Белкин, Г. А.Густов, М.К.Каминский, З.И.Кирсанов, В.Г.Коломацкий, А.М.Кустов, В.А.Образцов, Н.П.Яблоков). Правда, авторы, чаще всего, имеют, в виду не методологический, а методический или же онтологический аспекты феномена механизма.

Реальность такова, что при всем разнообразии внешних условий, субъект закономерно преследует одну и ту же цель - потребление неправомерной прибыли, лишь изменяя свои "целеустремленные" способы совершения действий в ходе поиска и приобретения преступного дохода. Корыстная мотивация противоправного поведения - глобальный инстинкт человека, независимо от социальной среды обитания (Г.Спенсер, Н.Ф.Кузнецова). В диссертации приводится статистика корыстных преступлений, которые составляют абсолютное большинство умышленных криминальных событий. В Англии на них приходится - 93%, в США - 95%, в России - свыше 90%.

Итак, на первом уровне модели вводится понятие "фазы развертывания механизма": а) поиск источников неправомерного дохода; б) приобретение преступного дохода; в) потребление прибыли. На втором уровне модели выделяется минимальное множество базовых (атрибутивных, универсальных) функций: а) развития; б) защиты (противодействия); в) отображения.

Все три функции "работают" на каждой фазе развертывания механизма преступной деятельности.

На третьем уровне модели каждая функция имеет, как минимум, три степени интенсивности проявления: высокую, среднюю, низкую.

Далее методологически оправданно закрепить за всеми уровнями модели механизма как по вертикали, так и по горизонтали некоторые закономерности взаимного соединения. Роль горизонтальных и вертикальных связей в модели выполняют факторы-версии. Смысл прост: если каждой степени интенсивности любой функции соответствуют свои главные (исходные) факторы-версии, то они же восходят - через функции - к фазам развертывания. Таким образом складывается версионная цепь. Последующие, нижние уровни модели включают признаки версий, элементы и показатели элементов - это для проверки статистических гипотез, путем факторного анализа версионной цепи.

Построенная таким образом модельная структура механизма преступной деятельности создает новый образ, который не принадлежит ни к области реального, ни к области описательного. Это - одновременно - и методологиче-

ский подход, и продукт методологии криминалистического исследования. Категория "механизм преступной деятельности" используется как модельное средство исследования ее структуры.

Второй параграф - "Характеристика функций" - содержит онтологический аспект фундаментальных системных функций: а) функции развития, которая понимается как интегративное выражение процессов подготовки (зарождения), собственно совершения ("запуска") и воспроизводства преступной деятельности; б) защитной функции, смысл которой сводится к выражению форм и содержания противодействия расследованию преступлений; в) функции отображения, которая обозначает свойство механизма воспроизводить соответствующие (изоморфные) следовые картины в среде функционирования.

Функции должны выделяться методологически корректно и отвечать существенным требованиям: а) функции должны иметь объективный характер (в массовидном случае выражать закономерные отношения и взаимозависимости переменных факторов, безотносительно к волеизъявлению субъектов преступной деятельности); б) функции должны проявляться как "сквозные" закономерности, то есть находить свое выражение применительно ко всем фазам развертывания механизма; в) уровень обобщения функций должен быть таким, что исключает отношения между ними как часть к целому (не входит одна в другую, что не исключает общности вариативных факторов и собственно функциональных взаимозависимостей).

Каждый эволюционно-функциональный цикл развития механизма преступной деятельности можно описать S-образной кривой. Повторяющиеся ступени S-образного развития - универсальная закономерность, определяющая основу эволюции механизма преступной деятельности. При благоприятных факторах (в том числе и субъективных) механизм индивидуальной преступной деятельности закономерно "копирует" развитие видового механизма. Иными словами, различные субъекты, в различное время, различными способами совершения действий, функционируют в рамках одного и того же видового механизма.

Другая, более значимая, закономерность состоит в том, что в рамках индивидуальной преступной деятельности уровень развития ее механизма может быть различным, но только один: либо низкий, либо средний, либо высокий. Принципиально невозможно их смешение.

Таким образом, функция развития механизма преступной деятельности в методологическом отношении позволяет: а) диагностировать и дифференцировать уровни развития видового механизма; б) соотносить индивидуальный и видовой уровни эволюции и проследить диалектику их отношений; в) фор-

мировать прогностические представления об изменчивости, росте или затухании преступной деятельности.

Другая базовая функция механизма преступной деятельности - функция защиты (противодействия). Защитная функция механизма преступной деятельности - атрибутивный (объективный, неотъемлемый, присущий) элемент, характеризующий деятельность субъектов преступления. Это - "генетический" момент механизма преступления любого рода, выступающий в виде "дежурной" цели, которую преступники имеют в виду не с момента начала расследования, а когда преступление еще только замышлялось (М.К.Каминский, 1978). Частные случаи "непротивления" расследованию не являются закономерностью.

Наконец, третья базовая функция - функция отображения. В философском смысле отражение является "всеобщим свойством материи, заключающимся в воспроизведении особенностей отражаемого объекта". С точки зрения математики, термин "отображение равнозначен термину функция". Он понимается как "соответствие, в силу которого каждому элементу множества A соответствует определенный элементу $y=f(x)$ множества $B...$ ".

В интересах исследования механизма преступной деятельности целесообразно функции отображения придать криминалистический смысл, а именно: отображение - это процесс соответствующих (изоморфных) объективных (необходимых и закономерных), причинно-следственных (однонаправленных) изменений во внутренней и внешней среде функционирования преступной деятельности. В совокупности эти изменения "складываются" в образ оригинала. Может быть, такая идея вызовет некоторый диссонанс в системе выделяемых функций, поскольку функция с этим смыслом не может быть присуща механизму преступной деятельности. Если "развитие-воспроизводство", "защита-противодействие" - предметы осознанной или же интуитивной деятельности субъектов, то функция отображения-слеодообразования явно выпадает из этого ряда. Однако главное - соответствует ли процесс отображения заданным методологическим условиям выделения функций.

На наш взгляд, такое соответствие имеется. Тем более, что речь идет не о всяком отображении. Говоря о функции отображения, мы тем самым подчеркиваем именно функциональное отражение. С одной стороны, в "среде обитания" отражаются функции механизма преступной деятельности (развития-воспроизводства и защиты-противодействия), а с другой - это отображение функционально, то есть оно имеет своего потребителя систему расследования. В этом смысле отображение выполняет функцию ретроспективного сигнала.

В гносеологическом аспекте базовые функции модели механизма преступной деятельности - это закономерное выражение связи вариативных элементов структуры, но не сами элементы. При этом сам механизм выступает, строго говоря, как своеобразный "объект-связь" и выполняет "функцию связи функций". Между базовыми функциями механизма одной и той же преступной деятельности существуют закономерные пропорциональные связи - соответствия, а именно равенство степени интенсивности функций. В таком случае механизм преступной деятельности называется пропорциональным.

Смысл понятия "степень интенсивности функции" сводится к измерению эффективности решений промежуточных задач и достижению конечной цели фаз развертывания механизма преступной деятельности: поиске источников неправомерного дохода, присвоению и потреблению этого дохода (для корыстных преступлений). Если эффективность решения задачи на одной из известных стадий высока, то и задачи всех иных стадий, вероятно, будут решены.

Степень интенсивности функции - хотя и абстрактная, но весьма существенная для характеристики функции единица измерения. Во-первых, функции механизма преступной деятельности всегда имеют определенную степень интенсивности, и они могут меняться лишь в направлении увеличения или уменьшения этой степени интенсивности. Во-вторых, никакие количественные изменения степени интенсивности функций не могут изменить их содержание.

При высокой степени интенсивности развития не может быть защиты средней степени интенсивности, а уж тем более низкой. Прямо пропорциональная зависимость существует и между развитием и отображением. Такие же зависимости существуют при обратном порядке функций: если степень интенсивности отображений низкая, то причина этого - столь же низкая степень функции развития.

Трудно избавиться от того ощущения, что функция защиты связана с функцией отображения не прямой, а обратно пропорциональной зависимостью: чем интенсивнее защита, тем слабее отображения. В действительности же, всякое повышение степени интенсивности, в том числе и в целях защиты механизма преступной деятельности, есть повышение степени интенсивности функции отображения. Противоречия здесь нет. В диссертации на этот счет приводятся статистические данные и конкретные примеры.

Третий параграф - "Полноструктурная модель механизма преступной деятельности" - в самом начале содержит критический анализ представления криминалистов о структуре преступной деятельности. Отмечается, что

структуризация проводится безотносительно не только к последующему исследованию модели, но и к прикладному использованию криминалистической характеристики в качестве экспертной системы для выдвижения и разработки типовых версий.

Безусловно, речь должна идти именно о таком структурно-факторном окружении субъекта, которое позволяет выдвигать некую исходную версию-посылку, а затем строить закономерные версии-следствия. Анализ значительно усложнится, если иметь в виду несколько существенных обстоятельств: а) “субъективные” элементы не “работают” изолированно от иных факторов, относящихся, например, к наличной ситуации преступной деятельности, способам совершения действий; б) элементы, характеризующие субъекта, не являются универсальными, то есть не могут быть пригодными для всех видов и групп преступлений. При таких ограничениях становится понятным, что типовых (базовых, универсальных) структурных элементов не может быть много. В то же время их должно быть столько, чтобы, с одной стороны, обеспечивалась возможность функционирования механизма преступной деятельности, а с другой - версионно-логическая цепь должна быть непрерывной и завершенной.

Долговременные исследовательские эксперименты показывают целесообразность и возможность выделения минимума необходимых структурных элементов: субъект преступной деятельности; условия (обстановка) преступной деятельности; способ совершения действий; следовая картина. Однако главным вопросом является не столько набор элементов и их параметров, сколько наличие-отсутствие между ними закономерной взаимосвязи. Разработка элементной структуры механизма преступной деятельности одновременно означает и формирование системы типовых версий. Отсюда вывод: нас должна занимать проблема не количества, а проблема закономерных взаимосвязей типовых версий.

Представление о том, что сначала версии строятся (выдвигаются), а затем разрабатываются, является широко распространенным и устойчивым заблуждением. Многие авторы находят в этом процессе даже не две, а “три, четко выраженные последовательные стадии”: выдвижение, разработку и практическую проверку (Г.В.Арцишевский, И.Ф.Пантелеев, Я.Пещак). Диссертант утверждает: суть не в том, что эти стадии условны, а сам подход к анализу версионного мышления в целом является ошибочным. Частные версии не являются иерархически одноуровневыми элементами общей версии о преступной деятельности. Они - звенья единой цепи, в которой каждое предшествующее звено индуктивным или дедуктивным образом открывает после-

дующее. Тот же “железный структурализм” не позволяет привести в “движение” всю систему структурных элементов. Каждый элемент-версия строится независимо от других и разрабатывается самостоятельно.

При таком подходе не получается “сцепления” частных версий, которые бы “складывались” в целостную картину общей версии. То, что для исходной версии можно назвать разработкой (выведением следствий), для последующей будет ни чем иным, как построением версии (выдвижением, конструированием). Смысл заключается в том, что первая частная версия (например, о субъекте преступной деятельности) рассматривается как посылка, а вторая, частная же, версия (скажем, о способе совершения действий) выводится как следствие и так далее - дедуктивно - по всей цепи элементов-частных версий.

Версионное мышление (дискурсивная рефлексия, рассудочное мысленное видение) приводит в одновременное движение (во взаимодействие) все основные структурно-иерархические уровни механизма преступной деятельности: “фаза - функция уровень интенсивности функции - версия - признак - элемент показатель”. Такая иерархия нужна по фундаментальным причинам, обусловленным логикой создания больших систем.

Глава третья - “Предварительное исследование модели механизма преступной деятельности” - включает методологические обоснования выбора, условий и принципов применения общего метода исследования модели механизма преступной деятельности.

Первый параграф - “Структура и содержание общего метода исследования” - содержит изложение общего метода как средства создания и исследования модели механизма преступной деятельности. Ранее преждевременно было обсуждать эти подробности, поскольку не существовало самой исследовательской модели, то есть объекта исследования, представленного в модели. В таких случаях возникает слишком много опосредований и потому вряд ли будет понятна технология исследования того объекта, которого еще нет. Тем более, что само построение модели объекта связано с разрешением теоретико-методологических вопросов не меньшей сложности.

Влияние метода криминалистического исследования модели на процесс моделирования и структуру построенной модели механизма преступной деятельности - вопрос подлинно методологический. При этом методологический сценарий может формироваться постепенно и специально не рефлексироваться. В этом случае осуществить дифференциацию теоретического и собственно методологического содержания достаточно сложно, а иногда и принципиально невозможно. Но если методологическое содержание и есть то, что нужно излагать, тогда следует абстрагироваться и отделить выводные знания от того, как мы пришли к этим знаниям.

Чаще всего встречается методологический изъян: построение всякой модели, как правило, означает теоретическое обобщение эмпирики и - одновременно - окончание исследования. Между тем, речь должна идти о промежуточной стадии работы. Если созданную модель планируется исследовать особым образом, то нужно иметь в виду закономерное требование: структура модели должна соответствовать методу исследования.

При создании модели механизма преступной деятельности следует учитывать несколько принципиальных требований: а) если строится многоуровневую модель, то она должна строиться с условием субординации уровней; б) каждый последующий уровень является “порождением” предыдущего (условие согласованности модельной системы); в) каждый уровень модели должен обладать относительной самостоятельностью (ни один уровень модели не должен быть “затерт” при включении его в другое структурное окружение; г) должна иметься возможность “сквозного” (по уровням) экспериментально-статистического исследования модели.

С прагматической и, одновременно, методологической точки зрения, безусловно, нет лучшего способа обоснования метода, чем установить, что “он работает” для какой-то конкретной задачи. Такая задача определена достаточно просто: изучение механизма преступной деятельности в целях выявления факторных закономерностей, которые бы явились основой иерархической системы типовых версий для соответствующей криминалистической характеристики.

Далее в диссертационной работе проводятся существенные различия между двумя подходами - структурно-описательным и факторно-статистическим. Криминалисты в своих описательных моделях преступной деятельности всегда исходили из представления об отдельных, существующих в пространстве и времени факторах и элементах, которые мы наблюдаем извне. В факторно-статистическом подходе подобная идеализация уже невозможна. Настало время отрешиться от “наглядных образов” и приложить более формальный - статистический - подход. Нужно просто-напросто исходить из постулата, что природа механизма преступной деятельности допускает познавательную ситуацию, когда невозможно знать одновременно и в точности характеристику каждого элемента.

Парадоксально, но это так: каждый выделенный элемент состоит из всех остальных элементов. Многофакторные зависимости, определяющие условия перехода между частными признаками одной и той версии, можно регистрировать только лишь статистически. Лишь после установления такой зависимости можно будет надеяться на выработку объяснения в том смысле, в каком понимаются объяснения при традиционном описательном подходе.

С момента создания исследовательской модели механизма преступной деятельности происходит смена научного инструментария: то, что было необходимо для построения модели, заменяется тем, что нужно для ее исследования. Метод исследования в данном случае объединяет теоретические заделы и методологические посылки с экспериментальной частью работы - верификацией научных гипотез, проверкой того, что уже построено.

Для демонстрации возможностей исследовательского метода достаточно выбрать лишь один вид преступной деятельности и выделить лишь одну исходную версию (в нашем случае - версию о судимости лица, совершившего кражу). Отсюда поставлены следующие вопросы: а) какие признаки версии о судимости являются наиболее значимыми; б) в какой последовательности (иерархии) распределяются эти признаки; в) какую факторную нагрузку имеет каждый признак версии относительно элементов способа совершения действий, предмета кражи и т.д.

Для решения этих вопросов реализуется комплекс достаточно объемных исследовательских процедур: формирование репрезентативной компьютерной базы данных по кражам; приведение к одному формату компьютерных файлов, полученных из различных регионов; выявление частотной характеристики основных элементов и выделение исходной версии (статистической гипотезы); построение диаграмм частотных зависимостей признаков версий и выделенных позиций компьютерной базы данных; подготовка матриц для факторного анализа; вычисление корреляционных связей.

Второй параграф - "Методологические принципы предварительной обработки компьютерных баз данных" - раскрывает систему методологических правил работы с компьютерными массивами. Автор отмечает, что подлинная мощь этого направления видится в соединении "ручных" и компьютерных средств обработки данных. Взаимосвязь методов компьютерного поиска эмпирических данных и "ручных" процедур "преданализа" настолько органична, что порой затруднительно выделить, когда кончается ручная подготовительная часть и когда начинается собственно часть автоматизированная; когда заканчивается теоретическое осмысление и начинается собственно эксперимент. "Теория жиждется на фактах; но описания фактов сплошь и рядом наполнены теоретической интерпретацией" (А.Уайтхед).

Далее раскрывается содержание принципов: изоморфности (взаимооднозначности) теоретических моделей механизма преступной деятельности и компьютерных баз данных; опережающего отражения цели исследования базы данных; огрубления теоретической модели механизма преступной деятельности; минимальности объема выборки; надежности базы; валидности; однородности компьютерной базы данных; природной специфичности механизма

определенного вида деятельности; непрерывности интерпретации.

Надо признать, что исследователь, исходя из своих задач, с большим трудом и только частично может выделить в эмпирической базе данных полезную в качественном и количественном отношении информацию. Причина очевидна: практики - те, кто формирует и ведет базы данных, - не имели в виду научные интересы криминалистов. Получается одно из двух: либо постановка научных задач имеет весьма косвенное отношение к практическим потребностям правоохранительных органов, либо сами базы данных с задачами раскрытия, расследования и предупреждения преступлений мало связаны. Между тем, “родословная” эмпирических баз данных в основных чертах симметрична историческим периодам развития криминалистических представлений о структуре и содержании так называемых оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов.

Основные недостатки криминалистических учетов, по нашему мнению, состоят в следующем: а) нарушены основания классификаций понятий, факторов, признаков; б) нет четкого деления позиций, отражающих сведения розыскного характера (для подразделений УР) и содержания преступной деятельности (для службы БЭП); в) отсутствуют биографические данные о преступниках; г) нет сведений об особенностях поведения преступников; д) нет данных о характерных для конкретного лица способах совершения преступных действий.

По существу, российские централизованные базы данных не содержат материала, позволяющего по аналогии строить, разрабатывать и проверять следственные версии, выбирать и применять тактические приемы и следственные хитрости.

Третий параграф - “Исследование частотных характеристик” - отражает результаты решения задачи предварительной стадии работы с базами данных. При этом, строго говоря, механизм преступной деятельности не изучается, а идет подготовка к его “вскрытию”. Исследователь сначала интуитивно, а затем руководствуясь опытом изучения эмпирического материала, ограничивается определенным набором наиболее значимых признаков. Само определение важности, существенности того или иного элемента в рамках заданного контекста - проблема одновременно и предметная, и статистическая: выдвигаются статистические гипотезы. Как правило, выражение качества должно подтверждаться количественными измерениями. Собственно цели выявления и статистической верификации дерева типовых версий подчинены все промежуточные стадии исследования.

В первом приближении кажется, что с точки зрения частоты встречаемости нужно оценивать каждый элемент каждого уровня модели механизма

преступной деятельности. Именно это и стараются сделать при формировании криминалистической характеристики преступления определенного вида. В итоге, как правило, получается то, что Гегель называл “дурными” абстракциями, которые “отражают набор свойств, равным образом принадлежащих качественно различным объектам”. Л.Г.Видонов “вручную” обработал огромный массив эмпирических данных по делам об убийствах. Таким образом, по его мнению, была “выявлена закономерная связь между отдельными обобщенными совпадающими элементами криминалистической характеристики преступлений”.

Можно согласиться, что констатация связи - важный шаг на пути к познанию содержания закономерных зависимостей. Но не более того. Научный и практический интерес представляют не только и не столько сами версионные элементы, сколько иерархическая последовательность их выдвижения и корреляционные расстояния между ними. Систему, построенную на интуитивных представлениях, невозможно верифицировать. "Когда единичные показания переведены сводкой на цифровые итоги, - указывал Ю.Э.Янсон, - то все наблюдение не может дать уже более того, что эта сводка дала. Всякая новая комбинация ведет к раздроблению итоговой сводки и она возможна только путем создания новой сводки, т.е. путем возобновления всей или большей части уже сделанной работы”.

Далее в диссертации дается частотная характеристика поло-возрастных групп и удельный вес судимых в каждой группе. При этом формируются, по крайней мере, три статистические гипотезы: пол - возраст - судимость. Но все признаки каждой гипотезы нужно не только определять, но и экспериментально проверять с применением методов факторного анализа.

Методологически допустимо, чтобы общий алгоритм исследования был выявлен, теоретически и методологически обоснован, экспериментально апробирован и доказательно изложен при проверке только одной статистической гипотезы - гипотезы (версии) о судимости.

Судимость можно называть глобальной детерминантой в системе “субъективных” факторов. “Синдром судимости” означает закономерное сочетание параметров, относящихся не только к субъекту, например, к наличию преступных связей, различных порочных наклонностей, но и к другим структурным элементам механизма преступной деятельности. При этом основное допущение сводилось к тому, что все элементы и факторы механизма кражи могут быть разделены на две группы. Одна группа включает в себя только розыскные признаки личности, другая - только признаки способа, следы и обстоятельства кражи. Между этими группами существуют закономерные статистические зависимости.

Так, версия о судимости “раскладывается” следующим образом: “судимость = распределение ролей + преступные связи + средства кражи + предмет кражи + конспирация”. Данная “формула” означает не простое объединение этих параметров, а утверждение о наличии между ними связей и отношений по определенному основанию “версионного комплекса”. Единым методологическим основанием служит одна и та же единица анализа - степень интенсивности функций. Иначе говоря, по каждому признаку версии о судимости должен быть получен категорический положительный вывод о том, что он детерминирует высокую степень интенсивности каждой функции.

Глава четвертая “Статистическое моделирование механизма преступной деятельности” включает общую характеристику факторного анализа, его содержание и интерпретацию результатов.

Параграф первый “Факторный анализ как статистический метод” показывает, что может интересовать криминалиста из арсенала “приемов, математических методов и моделей, предназначенные для сбора, стандартной записи, систематизации и обработки статистических данных с целью их удобного представления, интерпретации и получения научных и практических выводов” (С.А. Айвазян и др.).

Криминалистика относится к числу тех наук, в которых закономерности проявляются как тенденции, прокладываящие себе путь среди множества отклонений и случайных сдвигов. Методы прикладной статистики позволяют выявить такие объективные зависимости, которые в обширном эмпирическом материале обычными способами не выявляются. Как и все многомерные объекты, механизм преступной деятельности “контролируется” столь сложным сочетанием множества взаимодействующих причин и следствий, что установить их непосредственным образом не представляется возможным. Факторный анализ на базе компьютерной технологии позволяет превратить качественное в количественное, невозможное - в реальность, а точнее: более или менее опосредованная форма внутрисистемных связей модели механизма преступной деятельности может отражать и отражает - и в этом суть - объективные причинные процессы.

Понимая таким образом онтологическую природу получаемых многомерных пространств, только и можно понять, каким образом связаны между собой факторы механизма преступной деятельности. Однако нас интересует не только наличие-отсутствие объективных отношений между элементами модели механизма преступной деятельности, но и степень близости (теснота) установленных зависимостей. Иначе говоря, мы возлагаем надежды на выяснение иерархии взаимосвязей: какой “сосед” - ближний, а какой - дальний. Мы строим так называемые статистические гипотезы, проверяем их и получаем

наглядную корреляционную структуру.

На каждом этапе криминалистического исследования закономерно появление “сквозной” идеи о том, чтобы отбросить часть параметров модели или, в крайнем случае, заменить их меньшим числом каких-то факторов, но - и это главное - сохранить при этом всю информацию. Решиться на радикальные упрощения можно только тогда, когда учитывается, во-первых, конкретная структура исследуемой модели механизма преступной деятельности, а во-вторых, имеется особый статистический метод - метод факторного анализа.

Отдельные авторы в этом пошли настолько далеко, что факторный анализ, как метод современной многомерной статистики, начали преобразовывать в самостоятельный “метод криминалистического факторного анализа” (Г.А.Густов).

На наш взгляд, если факторная модель хорошо согласуется с нуждами криминалистов, то это обстоятельство еще не является достаточным основанием считать метод криминалистическим. Гипертрофированные представления о значимости любого метода в криминалистике, так же как и недооценка его возможностей - основа для методологических изъязнов.

Итак, логическая схема факторного анализа (построения многомерного пространства) включает в себя четыре этапа: а) сбор и первичная статистическая обработка исходных сведений (в нашем случае - формирование компьютерной базы данных и подготовка исходных матриц); б) подготовка промежуточных матриц (таблиц сопряженности); в) обработка промежуточных матриц центроидным методом либо (и) кластерным и получение конечной таблицы или (и) кластерного “дерева”; г) интерпретация конечной таблицы или (и) кластерного “дерева” и выявление закономерных факторных связей.

Факторный анализ является той ветвью многомерного статистического анализа, которая исследует внутреннюю структуру матриц корреляций (ковариаций) в целях снижения размерности изучаемого многомерного явления (механизма преступной деятельности) за счет того, что все элементы выражаются через меньшее число факторов. Истолкование смысла и причины возникновения связей - дело криминалистики как таковой.

Параграф второй “Содержание факторного анализа механизма преступной деятельности”. Строение механизма преступной деятельности может быть настолько сложным, насколько мы его по существу видим. Однако собственно криминалистическое исследование должно быть достаточно простым и единым. Методологический подход не должен превышать возможностей “среднего” человека для понимания того, как получены результаты и как их можно проверить.

Прежде всего, надо вполне отчетливо понимать разницу между типичным и вероятным: то, что типично, всегда вероятно в наибольшей степени; но то, что вообще вероятно, не всегда типично. Однако для расчета дисперсии (разброса) все эмпирические данные важны, поскольку типизация связей устанавливается по всему вероятностному полю. При этом учитываются только типичные связи, чтобы получить устойчивые оценки, которые не меняются от вида распределения.

Изначальный вид исходных матриц задает та компьютерная программа, с помощью которой будет обрабатываться статистический материал. В качестве предметной иллюстрации простейшей методики факторного анализа служит пример исследования механизма налоговых преступлений (программа “Diasta”). После этого рассматривается ситуация на порядок сложнее.

Технология проведения факторного анализа механизма преступной деятельности может быть представлена следующим образом: 1) устанавливается частотная характеристика определенного вида преступной деятельности в целях выяснения, какие факторы-детерминанты могут служить в качестве базовых версий, а какие - в качестве их признаков (программы “Flint” и “Arcada”); 2) устанавливается сопряженность (приоритеты, значимость) между признаками версий и всеми элементами обобщенной и адаптированной для целей анализа информационно-поисковой карты, графическим выражением которых являются диаграммы (программа “Microsoft Graph”); 3) переводится процентное выражение диаграмм сопряженности в числовые показатели и составляется промежуточная матрица № 1 (программа “Multi-F”); 4) формируется промежуточная матрица № 2, в которой отражена факторная структура информационно-поисковой карты и факторная структура индивидуальных “случаев” кражи (программа “Arcada”); 5) формируется промежуточная матрица № 3, в которой по вертикали представлена факторная структура индивидуальных “случаев” преступлений (матрица № 2), по горизонтали даны числовые выражения сопряженности (матрица № 1); 6) факторизуется (обрабатывается) промежуточная матрица № 3 по центроидному методу и получается итоговая таблица факторных связей-нагрузок (программа “Statistica 5.0”); 7) обрабатывается промежуточная матрица № 3 по кластерному методу и получается итоговая схема “дерева” факторных связей (программа “Statistica 5.0”); 8) интерпретирование итоговой таблицы факторных связей-нагрузок (толкование факторных нагрузок и формулирование закономерностей их взаимосвязей); 9) интерпретирование итоговой схемы “дерева” факторных связей (толкование факторной иерархии и кластерных расстояний, формулирование закономерностей их взаимосвязей).

Важно отметить, что наряду с компьютерными запросами был реализован и метод экспертных оценок одних и тех же факторов-признаков версии о судимости. Суть не только в том, чтобы иметь возможность “встречной” проверкой корректировать оба варианта получения статистического материала. Речь главным образом шла об оценке приоритетов среди выделенных признаков. Позиционирование меток на шкалах экспертных оценок проводилось с помощью стандартного приложения Windows-графического редактора “Paint”.

Итак, нагрузки на факторы по переменным составляют основу факторного анализа. При этом еще раз позволительно напомнить, что устанавливалось соотношение в рамках системы: “кража - судимость - признаки судимости - элементы информационно-поисковой карты”.

Для факторного анализа строится особая промежуточная матрица исходных эмпирических данных, т.е. прямоугольная таблица чисел, состоящая из m строк и n столбцов. В нашем случае в качестве строк выступают 50 обобщенных (огрубленных) элементов информационно-поисковой карты. В качестве столбцов - количество “случаев” краж, отраженных в 500 информационно-поисковых картах.

Другими словами, первоначальная матрица исходных данных представляет собой сводную информационно-поисковую карту, в которой слева (по вертикали) даны все основные позиции и элементы данной карты, а по вертикали справа “раскладка” индивидуальных “случаев” краж - “0”, если элемент не встречается в выбранной карте, “1”, если имеется.

Непосредственно задействованный массив данных включал 25 тысяч информационно-поисковых карт. Из этого количества выборка 500 карт для промежуточной матрицы производилась в автоматическом режиме (программа “Arcada”) с помощью генератора случайных чисел.

Важно пояснить, что числовые показатели (“0” и “1”) ни в коем случае не суммируются ни по вертикали, ни по горизонтали. В противном случае не получится того “многомерного пространства, натянутого на многообразии”, а можно сказать, из “поликарты” выйдет “монокарта”.

Параграф третий “Интерпретация результатов факторного анализа”. В факторном анализе процесс интерпретации можно расчленить на три стадии: а) оценивается факторная структура (под этим понимается необходимое число факторов для объяснения корреляций между переменными и нагрузки факторов в этих переменных; б) решается проблема оценки значений членов выборки самих факторов; в) формулируются умозаключения о факторных взаимозависимостях.

В результате применения центроидного метода факторного анализа получена следующая таблица факторных нагрузок (правила расчета “встроены” в компьютерную программу “Statistica 5.0.” - см. табл. 1):

Таблица 1

Таблица факторных нагрузок

Marked loadings are > 0,70 - минимально допустимый коэффициент корреляции (жирным шрифтом выделены существенные значения этого коэффициента)				
Factor Loadings (вращение методом Varimax normalized)				
Факторы механизма кражи (весовые отношения признаков версий и элементов ИПК)	Factor x1	Factor x2	Factor x3	Factor x4
1	2	3	4	5
1. Роли – способ	0,23	0,34	0,85	0,05
2. Связи – способ	0,71	0,24	-0,16	0,48
3. Пороки – способ	-0,25	0,16	-0,77	-0,23
4. Средства – способ	0,69	0,22	0,39	0,46
5. Конспирация – способ	0,50	-0,29	-0,49	0,49
6. Роли – средства	0,27	-0,02	0,21	0,80
7. Связи – средства	0,89	0,13	0,20	0,30
8. Пороки – средства	-0,84	-0,15	-0,13	0,07
9. Средства – средства				
10. Конспирация – средства	0,78	0,12	0,15	0,21
11. Роли – предмет	-0,22	-0,89	0,00	0,07
12. Связи – предмет	-0,04	-0,87	-0,16	-0,20
13. Пороки – предмет	-0,09	0,55	0,14	0,53
14. Средства – предмет	-0,23	-0,94	0,00	-0,04
15. Конспирация – предмет	-0,21	-0,89	-0,06	0,06
Expl. Var - сумма квадратов	4,53	3,96	1,93	1,85
Prp. Totl - нагрузки на центроид	0,30	0,26	0,13	0,12

По мнению Г.М.Миньковского (1989), если учитывать все интенсивно влияющие факторы (их насчитывается 200-250), то наступает “статистический кретинизм”. Поэтому нужно наблюдать принципиальное - главные факторы механизма этой деятельности. В данном случае эти факторы забирают на себя 80-90% общей дисперсии выборки. Отсюда, размерность задачи снижается по сравнению с исходной в 10-20 раз при снижении точности статистического описания приблизительно на 10-20%.

По таблице видно, что мы имеем дело с иерархическим факторным анализом. В этом, пожалуй, самом сложном случае в качестве переменных выступают не простые факторы-переменные, а весовые отношения переменных: “роли - способ”, “связи - средства”, “пороки - предмет” и т.д. Тут можно задуматься о той силе метода, о возможностях компьютерных средств, которые через многочисленные барьеры преобразований (итераций), все же привели к выделению главных факторов и значимым факторным нагрузкам. Грубо говоря, это означает, что взаимосвязи не менее, чем на 70% объясняются влиянием именно тех факторов, которые и указаны в корреляционной таблице.

Интерпретация (слева направо и сверху вниз) первого значения главного фактора $x_1=0,71$ привела к пониманию тесноты корреляционной связи между факторами версии о судимости: “наличие криминальных связей - способ совершения действий”. Поскольку значение положительное, то есть основания для суждения о линейной, прямо пропорциональной зависимости: наличие криминальных связей в среднем на 71% обуславливает выбор и реализацию способа совершения действий.

Здесь сокрыт глубокий смысл. Одновременно выводится пропорциональное соответствие между тремя существенными факторами: “связи-способ-судимость”. Чем интенсивнее криминальные связи, тем сложнее (акцентированной) способ совершения действий. И это - закономерность механизма преступной деятельности ранее судимых воров. Такая закономерность позволяет по способу совершения действий выдвигать и разрабатывать версии о наличии-отсутствии криминальных связей и далее - о наличии-отсутствии судимости. Чем проще (примитивней) способ совершения действий, тем вероятней, что вор ранее судим не был.

Другое значение (0,89) этого же главного фактора x_1 указывает на корреляционные отношения между криминальными связями и средствами кражи. Строго говоря, мы снова имеем триаду: “криминальные связи - средства кражи - судимость”. Зависимость в этой цепочке столь сильна, что можно говорить о жесткой линейной зависимости с положительным коэффициентом корреляции: чем активнее криминальные связи, тем богаче выбор средств кражи.

Следующее значение в таблице - отрицательное (-0,84). Его версионный смысл заключается в зависимости: чем больше порочных наклонностей, тем примитивнее средства кражи. На первый взгляд, данная закономерность не нуждается в комментариях. Однако здесь кроется диалектическое противоречие. Судимость умножает пороки. Пороки убивают “воровской интеллект”. Остается объяснить, каким образом “тюрьма” развивает одновременно и порочные наклонности, и преступный профессионализм. Именно так и развивается: противоречиво. Чем профессиональней субъект, тем менее он подвержен

порокам.

Последнее значение фактора x_1 (0,78) указывает на вполне закономерную связь конспирации со средствами кражи, с одной стороны, а с другой - с фактором судимости.

Переходя ко второму главному фактору (x_2), заметим, что он имеет отрицательные значения корреляционных зависимостей. Все они связаны с предметом кражи, а через распределение ролей - с признаками судимости. Трактовка первого значения (- 89) сводится к следующей закономерности: чем выше степень распределения ролей при совершении кражи, тем избирательней ее предмет. Эту же мысль можно выразить иначе. Если на месте кражи обнаруживается, что вор брал все “без разбора”, то, скорее всего (почти на 90%), нужно выдвигать версию о лице, которое еще не судимо.

Другие факторные “связки” (со значениями -0,87; -0,94; -0,89) интерпретируются так: если взяли предметы “без разбора”, то отсутствует не только распределение ролей в группе, но и профессиональное отношение к средствам кражи и вопросам конспирации. Эта закономерность является основанием версии об отсутствии судимости у лица, совершившего кражу. Полагаем, что вполне корректной выглядит и такая “контрверсия”: если имеются сведения о похищении только определенных вещей, то можно с уверенностью (на 90%) говорить о наличии всех признаков деятельности лица, ранее судимого.

Третий главный фактор (x_3) содержит один положительный значимый признак (0,85) и один отрицательный (-0,77). Смысл первого состоит в утверждении корреляционной связи между выбором способов совершения действий и наличием/отсутствием распределения ролей в преступной группе. Связь выражает прямо пропорциональную зависимость: чем совершенней система распределения ролей в преступной группе, тем избирательней способ совершения действий, тем обоснованней версия о лицах, ранее судимых.

Аналогичным образом в рассматриваемой таблице интерпретируются и прочие факторные “связки”.

Центроидный метод факторного анализа в целом не претендует на выявление иерархичности типовых закономерностей-версий. Он показывает их перечень. В то же время коэффициент корреляционной связи служит и показателем типичности версий. Для этого использован кластерный метод факторного анализа (правила построения кластерной структуры встроены в компьютерную программу “Statistica 5.0.” - см. схему 1).

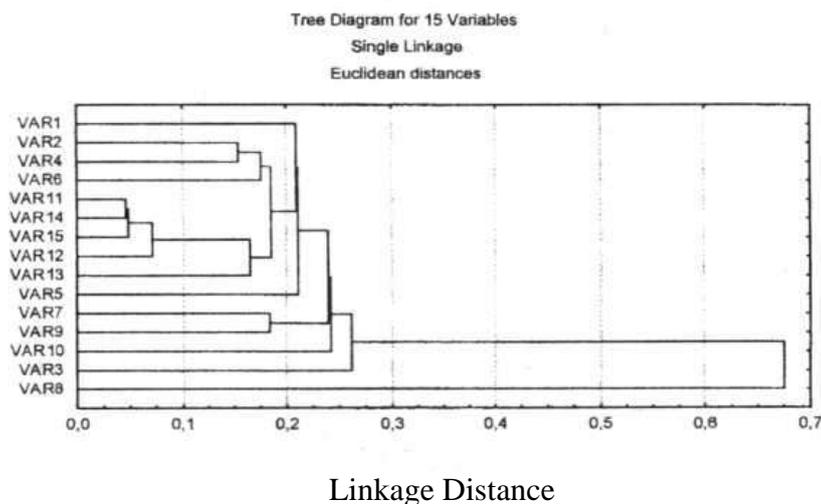
В “корне” версионного “дерева” располагается центральная версия о судимости (“корень” обычно располагается в верхней части “дерева” или слева). Характерно, что все факторы-признаки версии о судимости имеют положительную корреляцию (0,77). Они обозначены VAR1-VAR15 и расшифрованы

в таблице №1.

Предварительная подготовка средств кражи и разборчивость в ее предметах - первые “кирпичи” в здание версии о судимости лица, совершившего кражу (VAR-14). Напротив, “всеядность” вора и отсутствие какой-либо подготовки - первые основания при выдвигении версии о лице, ранее не судимом.

Схема 1

Иерархия типовых версий-признаков судимости лица, совершившего кражу

Дальнейшие рассуждения касаются связки: “предмет конспирация” (см. VAR 15). Нужно ответить на вопрос, есть ли какие-либо обстоятельства, указывающие на конспиративность подготовки и совершения кражи? При этом нельзя забывать об уже пройденной ступеньке версионного анализа и можно “перепроверить” себя, поставив такой вопрос: нужна ли была для данного предмета кражи конспирация?

Только после решения данного вопроса следует решать вопрос о наличии-отсутствии преступных связей (VAR12) в связи с этим предметом кражи - его поиском, неправомерным приобретением и потреблением (в вещах довольно много заключено отношений людей и смысла этих отношений).

Заметим, что все версионные суждения относятся к одной и той же области кластерной структуры (от 0 до 0,1). Иначе говоря, версионные связки очень типичны. По терминологии факторного анализа - “близкие соседи”.

Последующие версионные умозаключения касаются факторной связки “пороки - предмет кражи” (VAR 13). Связка удалена (не менее чем в два раза) от наиболее типичных версий. Однако схему нужно пройти до самого конца. Кстати, она показывает, как можно “перепроверить” суждения о порочных наклонностях преступника. Следует обратить внимание, например, на вопрос о том, требовали ли способы совершения действий наличия криминальных

связей (VAR 2+VAR 4)?

Наконец, еще одна возможность определиться с версией это решить вопрос: нужно ли было для совершения определенных действий распределять роли и заботиться о конспирации (VAR6+VAR1+VAR5)?

Если на все поставленные вопросы получены утвердительные ответы, то остается мало сомнений в правомерности построения и проверки типовой версии о судимости лица, совершившего кражу. Если ответы отрицательные, то получают весомые аргументы в пользу контрверсии.

Перед нами - обоснованный алгоритм построения и разработки типовых версий при расследовании краж. Методология его получения является средством и иллюстрацией того, как структурно-факторная модель механизма преступной деятельности превращается в средство изучения объективной реальности, а результат этого изучения - снова в модель, но уже в вероятностно-статистическую, и, наконец, превращение последней в криминалистическое средство выявления типовых версий - основы совершенствования практической деятельности по расследованию преступлений.

Подчеркнем, что факторным анализом была проверена только одна статистическая гипотеза - версия о судимости и только на эмпирических материалах о кражах. Проверка всех иных гипотез по этому и другим видам преступной деятельности - проблема тиражирования научного подхода.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Монография. Н. Новгород: ПЮИ МВД России, 1997. - 336 с. (17,64 п.л.).
2. Вопросы взаимодействия специалиста-криминалиста со следователем при осмотре места происшествия. Практическое пособие. Курган: СУ УВД, 1977. - 47 с. (2,5 п.л.).
3. Взаимодействие следователей, оперуполномоченных службы БХСС со специалистами и экспертами при расследовании хищений в РАПО. Учебное пособие. Горький. ГВШ МВД СССР, 1987. - 87 с. (4,65 п.л.).
4. Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС. Учебное пособие. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. - 89 с. (4,76 п.л. - в соавторстве).
5. Криминалистическая методика. Учебно-методическое пособие. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. - 56 с. (3,5 п.л.).
6. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере экономики: понятие, формирование, использование. Учебное пособие. Н. Новгород: НВШ МВД СССР, 1991. - 82 с. (4,44 п.л.).

7. Противодействие расследованию. Учебное пособие. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1994. - 78 с. (3,99 п.л - в соавторстве).
8. Расследование взяточничества и коррупции. Учебное пособие. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1995. - 105 с. (5,2 п.л - в соавторстве).
9. Экономические преступления в историческом ракурсе // Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: Учебник. Под ред. проф. В. Д. Грабовского, доц. А. Ф. Лубина. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1995. С. 7-47 (2 п.л.).
10. Криминалистическая характеристика преступлений // Там же. С. 48-58 (0,7 п.л.).
11. Анализ и использование криминалистической характеристики преступлений // Там же. С. 59-67 (0,5 п.л.).
12. Структура базовой методики расследования преступлений // Там же. С. 68-85 (2 п.л.).
13. Взаимодействие субъектов расследования преступлений // Там же. С. 86-105 (2 п.л.).
14. Расследование налоговых преступлений // Там же. С. 224-260 (2,5 п.л.).
15. Организованная преступность // Там же. С. 307-327 (1,5 п.л - в соавторстве).
16. Нейтрализация противодействия расследованию // Там же. С. 344-384 (2,5 п.л - в соавторстве).
17. Из мирового опыта борьбы с финансовым мошенничеством // Там же. С. 384-390 (0,5 п.л.).
18. Расследование преступлений в сфере экономики // Криминалистика: Учебник. Под ред. А. Г. Филиппова. Омск: Ом. ВШМ МВД России, 1995. С. 125-136 (0,7 п.л.).
19. Криминалистические знания в деятельности налоговой полиции // Налоговая полиция: Учебно-практическое пособие / Под ред. В. К. Бабаева. М.: АО "Виктория", 1994. С. 197-237 (2,5 п.л - в соавторстве).
20. Гносеологическая характеристика метода классификации в идентификационно-поисковой деятельности // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Свердловск: Изд-во Уральск, унта, 1982. С. 27-34 (0,5 п.л.).
21. Использование некоторых возможностей АСУ РАПО при выявлении признаков хищения // Проблемы борьбы с нетрудовыми доходами: Тезисы выступлений на межвузовской научно-практической конференции, посвященной 50 летию образования аппаратов БХСС. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. С. 73-76 (0,25 п.л.).

22. Основы криминалистической характеристики организованной преступности в сфере экономики // Нижегородские юридические записки. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1995. Вып. 2. С. 122-134 (0,5 п.л - в соавторстве).

23. Методологические проблемы факторного анализа закономерностей преступной деятельности // Нижегородские юридические записки. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1995. Вып. 2. С. 68-77 (0,5 п.л.).

24. Автоматизированная обработка региональных банков данных // Международная конференция "Информатизация правоохранительных систем" (2-3 июля 1996 г. Москва). Тезисы докладов. Ч. 1. М.: Акад. МВД России, 1996. С. 50-52 (0,25- в соавторстве).

25. Автоматизированная оценка оперативной обстановки // Международная конференция "Информатизация правоохранительных систем" (2-3 июля 1997 г. Москва). Тезисы докладов. Ч. 1. М.: Акад. МВД России, 1997. С. 165-168 (0,25- в соавторстве).